

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersburg Journal
of Oriental Studies

выпуск 2

volume 2

Центр

"Петербургское Востоковедение"

и

Издательско-Коммерческая Фирма

"В о д о л е й"

Санкт-Петербург

1992

С в е т л о й п а м я т и

Ольги Лазаревны Фишман

"ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ МИРЕ" В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В.Н.Горегляд

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

В XVI в. Японию сотрясали междоусобные войны. В начале века, при номинальной власти императоров, почитавшихся как прямые потомки богини Солнца Аматэрасу Омиками, фактически страной управляли сиккэны из рода Ходзэ. Те когда-то присвоили ее у своих родственников по женской линии, "полководцев" (сёгунов) Минамото (реальная власть Минамото существовала на протяжении жизней трех поколений, от деда до внука), что в свою очередь в ожесточенных сражениях конца XII в. свергли представителей другого могучего феодального дома Тайра, которые распоряжались своей властью недолго и сумасбродно.

В области культуры победа Минамото знаменовала перенос центра тяжести от вкусов изнеженной придворной аристократии к пристрастиям дружинников поместных феодалов (самураев); в литературе - появление нового жанра - "воинских повествований" (гунки или сэнки), феодального японского эпоса.

Возникновение его не согласуется с привычными для европейских литератур стандартами: гунки не привели к появлению в литературе авторской прозы. Расцвет жанров повести, дневников и эссе, даже крупноформатного романа произошел в предыдущую эпоху, когда авторитеты в области культуры ориентировались на иные, чем в гунки, художественные, эстетические и этические категории.

Утвердив свою верховную власть, сёгуны учредили собственную столицу (бакуфу, "полевую ставку") подальше от старой императорской столицы Киото, на берегу Тихого океана, в г.Камакура, окруженном их родовыми владениями. За это

столичные жители стали пренебрежительно именовать их дружинников "восточными варварами".

Формально сёгуны считались верноподданными государей и от императорского двора получали чины и мандаты на власть. На деле передача им таких мандатов была актом чисто церемониальным, поскольку сами императоры часто были малолетними детьми, находились целиком под надзором сёгунов и не в состоянии были противиться их воле. Верные воинские дружины, жесткий налоговый контроль над поместьями (не обладающими соответствующим иммунитетом), собственная, отдельная от придворной, юрисдикция надежно обеспечивали господство сёгунов Минамото, а затем и сиккэнов Ходзё над политической, экономической и воинской жизнью Японии.

Войны дома Минамото с домом Тайра и его победа в этих войнах изобиловали драматическими ситуациями - личными и общественными трагедиями, возвышением одних и гибелью других в поразительно короткие сроки. Это давало богатый материал для устных сказаний, исполнявшихся под аккомпанемент струнных инструментов бива бродячими слепыми сказителями бива-хоси. Отдельные сюжеты со временем объединились в более масштабные сказания, каждое в нескольких редакциях, неизбежных из-за устного бытования. Сказания первого цикла образовали "Сказание о годах Хогэн", "Сказание о годах Хэйдзи", "Повесть о доме Тайра" и "Записки о взлете и падении Минамото и Тайра". В разных монастырских скрипториях бытовавшие в устном виде повествования с их специфически-сказительской формульной техникой щедро дополнялись нравоучительными вставками с описанием прецедентов, притч и т.д.

Засилие самурайства пробуждало в обществе буддийское представление о Конце Закона (маппо), знаменующем всеобщее падение нравов, а среди придворной аристократии - тоску по былому, выраженную в лозунге "Назад к Энги и Тэнряку", т.е. к X-му веку, представлявшемуся ей золотым веком.

К концу XIII в., с ослаблением власти сиккэнов Ходзё, в Японии окрепла еще одна мощная сила - воинские формирования

крупных буддийских монастырей. Постепенное отмирание надельной системы землевладения сопровождалось адекватным усилением поместного. Некоторые категории поместных земель (ранговые, пожалованные за заслуги, вновь разработанные, храмовые) по существовавшим еще от предыдущей эпохи законам освобождались от правительственного налогообложения. Они также пользовались иммунитетом от въезда в их пределы с инспекционными целями представителей властей. В таких поместьях были актуальными также проблемы охраны их земель и ирригационных систем от посторонних посягательств. Для защиты владений от нападения соседей и обеспечения налогового иммунитета монастыри обзаводились собственными воинскими формированиями. Появление "монахов-воинов" вызывалось экономическими нуждами и совершенно противоречило буддийским доктринам. Со временем они стали использоваться даже для решения политических вопросов, посылаться за пределы храмовых владений.

Настоятели крупнейших буддийских храмов назначались императорами из представителей родовой аристократии. Нередко это были принцы крови, имевшие возможность подчинить выступления "монахов-воинов" интересам двора. Противостояние императоров и сиккэнов, обострившееся к исходу 1-й четверти XIV века, со стороны Киото отождествлялось с императором Годайго (на престоле в 1319-1338 гг.). После нескольких неудачных выступлений стоявшие на его стороне силы развязали войну, свергли режим Ходзё, но вызвали к жизни новых противников, Асикага, основавших 2-й сёгунат. Асикага Такаудзи, бывший сторонник Годайго, в 1336 г. противопоставил прежнему суверену нового императора, возведя на трон Тохито, 9-го сына императора Гофусими (с Годайго у него был общий прадед) под именем император Коме. Война продолжалась до 1392 г. Ее подготовка и ход стали сюжетом нового памятника воинского эпоса, "Повести о великом мире" (Тайхэйки).

В этой повести в роли сюжетобразующей идеи на первый план вышла конфуцианская концепция долга как основы

вселенской гармонии. Прежде всего в ней разрабатывалась проблема взаимных обязанностей господина и слуги. Впоследствии она стала основной в воспитании подрастающих поколений.

В дневнике средневекового специалиста по генеалогии, государственного чиновника высокого ранга (дослужился до поста Левого министра при Северном дворе) Тоин Кинсада (1340-1399 гг.) автором "Тайхэйки" назван буддийский монах Кодзима-хоси. Мирское его имя не названо. В науке выдвигались разные версии, кем был этот человек. Ясно одно: распространенный в наше время текст памятника за несколько столетий устного бытования и переписывания каллиграфами заметно отделился от автографа.

В текст повести вкраплено 62 одних только китайских легенд, из них половина - из "Исторических записок" Сыма Цяня. Исторических и легендарных персонажей китайского происхождения (считая эпизодические) в "Повести о великом мире" встречается около 350.

Создана "Повесть" после 1370 г., но раньше 1392. Разные соображения высказывают относительно названия произведения: памятник, описывающий одну из самых затяжных войн в японской истории называют "Повестью о великом мире". Может быть, мы имеем дело с табуированием слова "война"? Тогда почему оно касается только названия всего памятника и не распространяется на названия отдельных глав?

Предлагаемый перевод первых восьми глав сделан по изданию "Серии классической литературы" (Нихон котэн бунгаку тайкэй) издательства Иванами (1964 год).

ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ МИРЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Я, невежа, выбрал втайне перемены, что случились от древности до наших дней, и узрел причины спокойствия и опасностей.

Покрывать собою все, ничего не оставляя, - это добродетель неба. Мудрый государь, будучи воплощением его, оберегает государство. Нести на себе все, ничего не выбрасывая, - это удел земли. Верноподданные, будучи подобием ее, охраняют богов земли и злаков¹.

Ежели недостает той добродетели, - не удержать государю своего ранга, хоть и обладает он им. Тот, кого называли Цзе из династии Ся, бежал в Наньчао, а Чжоу из династии Инь был разбит в Муе².

Ежели уклоняются от того удела, - недолговечна сила подданных, хоть и обладают они ею. Некогда слышали, как Чжао-гао был наказан в Сяньяне, а Лу-шань убит в Фэнсяне³.

Поэтому прежние мудрецы, проявив осмотрительность, смогли оставить законы на грядущее. О, последующие поколения! Оглядываясь назад, не пренебрегайте предостережениями прошлого!

1. ОБ АВГУСТЕЙШЕМ ПРАВЛЕНИИ ИМПЕРАТОРА ГОДАЙГО И О ПРОЦВЕТАНИИ ВОИНОВ

И вот, в августейшее царствование императора Годайго¹, девяносто пятого государя со времен Цзимму-тэнно², который был первым из императоров-людей нашей страны, жил воин по имени Тайра-но Такатоки³, владетель Сагами⁴. В те времена он нарушил добродетели в отношении господина, потерял свою почтительность подданного. С тех пор сильно разбушевались Четыре моря⁵ и не успокаиваются ни на один день. Вот уже сорок с лишним лет боевые костры затмевают собою небо, а бранные кличи приводят в движение землю. Ни один человек не может достигнуть долголетия. Десяткам тысяч негде обрести покой.

Ежели доискиваться начала тех бед, - оно не от какого-то одного вредоносного утра или вечера.

Когда в годы Гэнряку⁶ вельможный Еритомо⁷, великий Полководец Правой стороны из Камакура, удостоился признания заслуг тем, что разгромил дом Тайра, он, по щедрости высочайшей воли экс-императора Госиракава⁸, стал нести службу Всеобщего ревнителя порядка Шестидесяти шести провинций⁹. С тех пор воины впервые определили для провинций охранителей¹⁰ и учредили для поместий управляющих. Старший сын того Еримото, главалевой гвардии Ериизэ, и второй сын, Правый министр князь Санэтомомо, - оба, один за другим, завладели титулом Сэйи-сёгуна, Полководца- покорителя варваров. Их нарекли Сёгунами трех поколений.

Однако же вельможный Ериизэ был сражен Санэтомомо¹¹, а Санэтомомо сражен был сыном Ериизэ, ревностным Наставником в созерцании Кутё¹², так что три поколения, отец и дети, сошли на нет за сорок два года.

А после того, Еситоки¹³, бывший владетель Муцу, сын Тайра-но Токимаса¹⁴, владетеля Тотоми, бывшего тестем вельможного Еритомо, по праву забрал в Поднебесной власть и вознамерился могущество свое мало-помалу распространить на Четыре моря.

Тогдашним государем, отрекшимся от престола, был экс-император Готоба¹⁵. Опечаленный думой о том, что ежели всесилие воинов станет потрясать страну снизу, то наверху быть отмененными законам двора, - решил он повергнуть Еситоки.

Тут наступила смута годов Сёкю¹⁶. Поднебесная ни на миг не обретала спокойствие. Наконец боевые знамена коснулись солнца, и грянула битва при Удзи и Сэта¹⁷. Еще не закончился день, как правительственные войска неожиданно потерпели в этой битве поражение, и тогда экс-императора Готоба сослали в провинцию Оки¹⁸, а Еситоки зажал, наконец, в своей длани все Восемь сторон¹⁹.

Начиная с него, правители в течение семи поколений один за другим выходили из воинского рода: владетель Мусаси - Ясутоки²⁰, помощник главы Ведомства дворцовых строений - Токиудзи²¹, владетель Мусами - Цунэтоки²², владетель Сагами - Токиёри²³, глава Левых монарших конюшен - Токимунэ²⁴ и владетель Сагами - Садатоки²⁵. Но, хотя и говорят, что добродетелей у них доставало, чтобы утешать бедный люд, а величие свое они простерли надо всем народом, - чинами они не поднимались выше четвертого ранга²⁶.

Живя в скромности, они дарили милосердие; порицая себя, соблюдали правила вежливости. И благодаря этому, - хоть и высоки они были, но не опасны, хоть и полны властью, но не через край.

Начиная с годов Сёкю, из числа принцев и регентов один человек благородной крови, обладающий талантом управления миром и приведения в спокойствие народа, стал высочайшим волеизъявлением направляться в Камакура²⁷ и назначаться там

Полководцем-покорителем варваров, а все войны стали совершать перед ним церемонию поклонения.

В 3-м году той же эры в столицу впервые назначили двух членов одного рода²⁸, и они стали называться двумя Рокухара²⁹. Им надлежало управлять западными провинциями и обеспечивать охрану столицы. Кроме того, начиная с 1-го года эры Эйнин³⁰, послали губернатора на Тиндзэй³¹, решать на Кюсю дела управления и укреплять оборону от вторжения чужеземцев. Таким образом, ни в целой Поднебесной места, где бы не следовали их предписаниям, не осталось, ни за пределами Четырех морей человека, который бы не повиновался их могуществу, тоже не стало.

Раз уж есть такой обычай, чтобы утреннее солнце похищало блеск у оставшихся звезд, хоть оно и не держит против них зла, - то, когда в поместьях усиливается управитель, там слабеет господин; когда в провинциях становится весомее защита, там делается незаметнее императорский чиновник, - и это неминуемо, хотя воины и не желают наносить оскорбления придворной знати. По этой причине императорский двор год от года приходил в упадок, а воинское сословие день ото дня процветало.

Вот потому-то высочайшая воля государей одного поколения за другим неизменно обращалась к мысли о том, как бы уничтожить восточных варваров³², - в старину, чтобы удовлетворить стремления императоров времен Сёкю, а ныне от печальных размышлений о падении всевластия установлений двора. Однако, либо малы были для этого силы, либо время к тому еще не подходило. Между тем, наступила пора правления потомка Токимаса в девятом колене - время прежнего владельца Сагами, монаха в миру Такатоки Сокана из рода Тайра³³, и тут проявились опасные признаки необходимости улучшить повеления небу и земле.

Когда посмотришь на нынешнего правителя пристально, сравнивая его с древними, то видишь, что Такатоки, крайне легкомысленный в своих поступках, не обращает внимания на людские насмешки; что не соблюдая правильного пути в

управлении подданными, он не думает о горестях народа; что днем и ночью находя удовольствие лишь в собственных прихотях, он позорит предков, лежащих в земле; что забавляясь с утра до вечера вещами диковинными, он стремится при жизни достигнуть гибели рода своего.

Скоро кончилась радость Вэйского И-гуна, заставлявшего катать журавлей³⁴, горевал и Циньский Ли Сы, что мечтал поохотиться с собаками³⁵, ныне Такатоки стремится к тому же. Кто видел это, хмурил брови, кто слышал, - поджимал губы.

Императором в ту пору был Годайго-тэнно, второй сын экс-императора Гоуда³⁶, рожденный из августейшего чрева Даттэнмоньин³⁷. В возрасте тридцати одного года он, по желанию владельца Сагами³⁸, взошел на августейший престол. Во время своего правления он был во дворце тверд в принципах трех уз и шести добродетелей³⁹ и следовал пути Чжоу-гуна⁴⁰ и Конфуция, а вне дворца не пренебрегал делами управления тьмой дел и сотней служб⁴¹, но подражал образцам времен Энги и Тэнряку⁴², поэтому Четыре моря радовались, глядя на него, а весь народ, вернувшись на стезю добродетели, наслаждался.

Во всех учениях он поднимал то, что находилось в упадке, хвалил всякое благое дело, и потому именно теперь храмы и святилища, созерцание и монашеская дисциплина⁴³ стали процветать, а великие таланты Ясного и Тайного⁴⁴ и конфуцианского учений - все прониклись надеждой. И не было человека, который бы не гордился теми переменами и не восхвалял бы те добродетели, произнося: "Поистине, священный властитель, дарованный небом, - это мудрый государь на земле".

2. ОБ ОТМЕНЕ ЗАСТАВ

Эти заставы Четырех границ и Семи дорог¹ были устроены для того, чтобы извещать о строгих ограничениях в государстве и предупреждать происшествия тех времен. Однако теперь, под тем

предлогом, что из-за исключительного права на пошлины заставы приносят вред торговым связям и доставляют хлопоты при перевозках годовой подати, они были закрыты совсем и повсюду, кроме Оцу и Кудзуха².

Кроме того, летом 1-го года Гэнко³ великая засуха иссушила землю. За пределами столичных провинций⁴ в окружности ста ри⁵ не осталось зеленого ростка, а была только голая красная земля. Умершие от голода заполнили кладбища, голодные валились на землю. В том году один то⁶ проса покупали за триста монет.

Слыша издалека о голоде в Поднебесной, государь был опечален мыслями о том, что собственные его добродетели неуютны небу. "Если у меня нет добродетелей, - подумал он, - небо должно винить в этом одного меня. Что за преступление совершила чернь, если она ввергнута в такие страдания?!" И его величество перестал вкушать свой утренний рис, повелев отдавать его людям, доведенным до крайности голоданием.

Но, считая, что и это еще не может облегчить страдания народа, он призвал к себе главу Ведомства дознаний и повелев ему взять под наблюдение всех тогдашних богачей, которые накапливали рис, чтобы удвоить свои прибыли, распорядился соорудить временные постройки в районе Нидзё⁷, где надсмотрщики сами давали бы разрешения, устанавливали цену и распоряжались продавать тот рис. Таким способом все торговцы получили прибыли, а всякий человек уподобился тому, кто имеет девятилетние запасы.

Когда случалось, что люди подавали жалобы, император, полагая, что положение народа неведомо знати, сам изволил выходить в Архивное ведомство, тут же выслушивать и выяснять жалобы и устанавливал правоту или неправоту, так что быстро прекратились тяжбы Юй и Жуй⁸, розги сгнили, а в барабан увещевания ударять стало некому⁹.

Поистине, это правление принесло порядок государству и ускокоение народу; если же смотреть на него с точки зрения

мудрости государя, ее можно назвать талантом прославиться в поколениях, следуя за мудрецами. Одно лишь наводит грусть: высочайшая воля его немного напоминала то, как Цинский Хуань осуществлял управление¹⁰ и как Чуский человек потерял лук¹¹. Это означает, что, хоть и объединил он вначале Вселенную, но просвещенное его правление не продолжалось и трех лет.

3. ОБ ИЗБРАНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ, А ТАКЖЕ О ПРИДВОРНОЙ ДАМЕ, ГОСПОЖЕ САММИ

На третий день восьмой луны 2-го года Бумпо¹ дочь Первого министра Сайондзи второго, князя Санэканэ², посвящена была в ранг императрицы и введена во дворец Кокидэн³. Тем самым уже пятое царствование женщины из этого дома назначались служить государю, из-за того, что еще с годов Сёкю⁴ все поколения владетелей Сагами питали почтение к дому Сайондзи, - поэтому-то своим процветанием этот дом поражал уши и глаза Поднебесной. Не думал ли государь угодить желаниям Канто⁵, особенно когда издавал высочайший указ об избрании императрицы?

Ей было дважды по восемь лет, когда она вошла в покои Яшмового дворца, чтобы прислуживать перед дверьми с золотыми петухами⁶. И весь ее облик - украшение из молодых персиков, наводящих грусть о весне, плакучая ива под ветром, - был таким, что Мао Цян и Си Ши стыдились бы за свои лица, а Цзян Шу и Цин Цинь закрыли бы свои зеркала⁷. Поэтому и государь в мыслях своих решил, наверное, что она равных себе не имеет.

Однако же тоньше лепестка государева милость: ей всю жизнь пришлось понапрасну ждать, чтобы ее приблизили к яшмовому его лицу. Укрывшись в глубине дворца, она вздыхала о том, что никак не меркнет весенний день, и погружалась в печаль оттого, что длинна осенняя ночь.

Когда никого не оставалось в расписанных золотом покоях, она думала о том, как справедливо писал некогда Бо Лэ-тянь⁸, что

"тень от света единственного фонаря на стене, стук дождя в окно во тьме, пронизанной свистом ветра", когда исчезнет уже аромат в сосуде для возжигания благовоний, - все это вызывает слезы, и что

Человеком рождаясь, женщиной не родись.
Для нее от другого зависят всю жизнь
И страдания, и наслажденья...

В ту же пору увидел однажды государь дочь Кинкадо, среднего ранга полководца Ано⁹, ту женщину, что прозывалась придворною дамой, госпожой Самми, которая прислуживала августейшей из Внутренних покоев¹⁰, - и выделил ее из всех остальных. И тогда будто бы цвет лица потеряли те, что белились и румянились в Шести павильонах, ибо любовью трех тысяч красавиц завладела она одна.

Никто, ни три госпожи, ни девять принцесс, ни двадцать семь наложниц, ни восемьдесят одна придворная дама¹¹, взятые вместе, ни красавицы из задних павильонов¹² и певицы из Приказа наслаждений, - не могли обратить к себе милость августейшего сердца Сына неба.

И только одна, которая была само очарование и истинная женственность, не только часто творила добро, но умело и умно предугадывая волю императора, боролась со своими причудами, и потому, коли ехала она, - на весеннее ли гулянье под цветами сакуры или на осеннее празднество при полной луне, - то была рядом с государевым паланкином, а когда совершался высочайший выезд, - место ей отводилось особо.

С тех пор перестал государь по утрам заниматься делами управления.

Неожиданно вышел высочайший эдикт о наречении императрицы, и люди стали почитать ее первой среди государевых жен. Все поражались, видя, как ее род впервые преисполнился великолепия. Жители Поднебесной тех времен не ценили рождение сына и дорожили рождением дочери.

И повсюду, вплоть до постановлений личного государева совета и распоряжений по незначительным нарушениям, если только говорилось, что замолвила слово та, что наречена императрицей, - даже высшие вельможи раздавали награды без заслуг, а судьи определяли, что причины для наказания нет, хоть она и была.

В "Гуань Цзюй"¹³ поэт так воспевал добродетели государыни: "Развлекаясь, она не излишествует, печалась, не сокрушается". Как бы там ни было, я полагаю, что от той поры и наступили раздоры из-за красавицы, которые наносят вред и замкам, и державам, - вот что достойно всяческого сожаления.

4. О НАСЛЕДНИКЕ ПРЕСТОЛА

Поскольку и кроме государыни-первой супруги было у государя очень много жен, кои, совершая превращение кузнечика¹, могли бы гордиться высочайшей милостью, - принцы изволили рождаться один за другим, и число их уже достигло шестнадцати.

Первым среди них был принц Сонрё, появившийся из августейшего чрева Тамэко, что посмертно получила 3-й ранг младшего разряда и была дочерью вельможного Тамэе, старшего советника наследного принца - Левого министра. Воспитателем и наставником Сонрё стал князь Садафуса, министр двора Есида. С достижением возраста стремления к наукам² ему было позволено совершенствоваться в шести видах поэтического искусства. Итак, утоляя жажду из чистых струй реки Томиноо, ступая по древним следам на горе Асака³, заставлял он сжиматься свое сердце от свиста ветра и от любования луной.

Из того же августейшего чрева появился и второй принц. Еще со времен детской прически агэмаки принял он духовный сан в монастыре Удивительного Закона - Мёхоин, и там его наставляли в учении Шакья-Муни. Но и он, в свободное от постижения трех тайн йогов⁴ время, изволил забавляться, испытывая судьбу на поприще стихосложения, а потому и в знании древности мог не стыдиться

Высокого первоначавника⁵, и по изяществу своих стихотворений превосходил Дзитин-касё⁶.

Третий принц был из августейшего чрева госпожи 3-го ранга, вельможной Мимбу. Еще с младенчества он показал себя мудрым и проникательным, поэтому именно на этом принце остановил государь свой выбор для передачи августейшего трона. Однако еще со времен правления экс-императора Госага было установлено, что на царствование следует избирать попеременно государей из Дайкакудзи и Дзимёин⁷, и поэтому на этот раз наследного принца следовало выдвигать со стороны августейших особ из Дзимёин.

Все дела в Поднебесной, большие и малые, вершились обычно по усмотрению Канто и не зависели от высочайшей воли, поэтому, совершив церемонию перемены детского платья⁸, принц ушел в монастырь Насимото и стал учеником принца Дзётина⁹. В мире не было другого человека, равного ему в мудрой способности слыша об одной вещи, усваивать десять, и потому ветер с Цзицин оведал его ароматом цветов неожиданного озарения всеобъемлющей истиной, а струи Яшмового источника вливали в него лунный свет неделимости трех истин¹⁰.

По этой причине весь монастырь, сложив благоговейно ладони, радовался, и служители девяти храмов, склонив головы, уповали: "При этом лишь настоятеле должны наступить времена, когда вновь разожгут готовый погаснуть светильник Закона и станут получать готовые прекратиться благодетельные веления Закона."

Из того же августейшего чрева вышел и четвертый принц. Он стал учеником и последователем принца 2-го ранга из храма Священной защиты, Сёгоин, и тогда начал черпать воду Закона из струй Трех Колодцев¹¹ и ожидать рассвета Майтрейи, чтобы стать буддой¹².

И еще: избирая принцев и монархов, заботясь о бамбуковом саде и перечном дворике¹³, люди думали, что поистине наступила

пора восстанавливать самодержавную власть и укреплять вечные основы благополучия трона.

5. О ТОМ, КАК ГОСПОЖА ИЗ ВНУТРЕННИХ ПОКОЕВ МОЛИЛАСЬ О РОЖДЕНИИ РЕБЕНКА И ОБ ОБМАННОМ ЗАТВОРНИЧЕСТВЕ ТОСИМОТО

Приблизительно с весны 2-го года Гэнко¹ госпожа из Внутренних покоев стала обращаться к почитаемым наставникам и к великим наставникам из храмов и с гор, вознося моления о том, чтобы зачать, и просила свершить разнообразные обряды Великого закона и Тайного закона.

Двое из них, высокоумный Энкан из храма Хоссёдзи² и праведный наставник Монкан из Оно³, получив особый императорский указ, возвели в Золотых воротах⁴ алтарь, и, приблизившись к яшмовой особе госпожи, с неусыпным усердием возносили моления.

Обряды Глаза Будды, Золотого колеса и Пяти алтарей, обряды Пятикратного чтения каждого знака "Фазаньей сутры", Сжигающего пламени Семи будд-исцелителей и Очищения, превращающего в мужчину, обряды Сокровищницы пяти видов Великого недеяния, шести Каннон, Шести знаков к реке обращенных, и Царственной матери Кали, Восьми знаков Манчжуши с Продлевающим жизнь всеобщей мудрости и Златокрепким отроком свершались над нею; воскурения от благовоний гома заполняли дворцовый сад, а звон колокольчиков отражался в боковом павильоне⁵. И видно было, что какой бы злой демон-дух ненависти не находился здесь, - ему трудно стало бы чинить помехи.

И хотя проводила госпожа вот так день за днем, добавляя новые и новые благоприятствующие тому обряды, и исчерпала до конца чистую истину молений, - наступил уже и третий год Гэнко, а родов у нее все не было и не было. И только потом, когда принялись устанавливать подробности дела, оказалось, что под

предлогом приближения родов у госпожи из Внутренних покоев такого рода обряды Тайного закона совершались с целью умалить зло, идущее от Канто.

И поскольку такое важнейшее дело стало предметом желания государя, у него появилось искушение спросить также и о возражениях его министров. Однако же при встречах его величество не изволил ни о чем говорить ни со старыми министрами, дальновидными и мудрейшими, ни со своими приближенными, опасаясь, что ежели дело это достигнет ушей многих, то может случиться, что молва донесет его и до слуха воинских домов.

Он встретился и поговорил только с Сукэтомо - советником среднего ранга из Хино, с чиновником Распорядительного ведомства, младшим толкователем законов Правой стороны Тосимото, с Такасукэ - советником среднего ранга из Сидзё, со старшим советником, главой Законодательного ведомства - Мороката и с Нарисукэ, советником Имперского совета из дома Хэй, стремясь привлечь нужных для дела ратников. Немногие отозвались тогда на государевы установления. Это чиновники резиденции экс-императора Нисигори, Асукэ-но Дзиро Сигэнари и воины-монахи Южной столицы и Северного пика⁶.

Этот Тосимото, унаследовав от многих поколений своих предков занятие конфуцианством, достиг непревзойденной учености, а посему, призванный служить на высоких постах, он возвысился до чина Помоста орхидей⁷ и был направлен ведать придворными бумагами. Как раз в то время дел у него было такое изобилие, что времени для разработки планов не оставалось совсем, поэтому Тосимото решил, приняв на некоторое время затворничество, разработать план того, как поднять ратников.

Вот тут-то и случилось, что монахи-воины из Горных ворот и из Екава⁸ обратились ко двору с челобитной; развернув ту челобитную, Тосимото прочел ее вслух, однако при чтении допустил ошибку и слово Рёгонъин прочел как Мангонъин⁹. Услышав это, сидевшие вокруг вельможи переглянулись и, всплеснув руками, рассмеялись:

- А если взять знак "со", "совместно", - так его хоть по левой части, хоть по правой, - все равно надо читать "моку"!¹⁰

От великого стыда Тосимото залился краской и вышел.

После того случая, объявив, что от позора он принимает затворничество, Тосимото на полгода оставил службу и, приняв облик монаха-странника, отправился по провинциям Ямато и Кавати, высматривая места, где бы можно было выстроить замки и укрепления, и пошел по восточным и западным провинциям, выведывая местные нравы и положение жителей.

6. О ДРУЖЕСКОЙ ПИРУШКЕ И О ТОМ, КАК ГЭНЪЭ БЕСЕДОВАЛ О ЛИТЕРАТУРЕ

Итак, были в провинции Мино два жителя и звали их Токи Хоки- но Дзюро Ерисада и Тадзими Сиродзиро Кунинага. Оба они, как потомки рода Сэйва Гэндзи¹, пользовались славой доблестных воинов, поэтому вельможный Сукэтомо, хорошенько разузнав их родословную, близко с ними сошелся, и дружеские их отношения уже не были слабыми. Однако в такие важные дела без разбору людей не посвящают, и подумав о том, что бы такое предпринять еще, Сукэтомо устроил им дружескую пирушку, дабы еще лучше испытать их сердца. Среди людей, собравшихся здесь, были старший советник, глава Законодательного ведомства, Мороката, Такасукэ - советник среднего ранга из Сидзё, главалевой гвардии охраны дворцовых ворот Тоин Санзё, чиновник Распорядительного ведомства, младший толкователь законов Правой стороны Тосимото, монах в миру, чиновник 3-го ранга Датэ Юга, Гэнки-хогэн из храма Сёгоин², Асукэ-но Дзиро Сигэнари, Тадзими Сиродзиро Кунинага и другие.

Зрелище пира этой компании поражало зрение и слух, уши и глаза. Порядок подношения чарки не говорил о благородстве или худородности гостей; мужчины сняли свои головные уборы и распустили волосы на макушке; монахи, не надев своих облачений, сидели в белых нижних одеяниях; более двадцати женщин лет по

семнадцати-восемнадцати, изящные лицом и станом, с особенно чистой кожей, одетые лишь в тонкие одинарные одежды, угощали присутствующих сакэ, и снежно-белая их кожа, проглядывающая сквозь ткань, ничуть не отличалась от цветов лотоса, только что выглянувших из вод пруда Тайи³.

Доставлены были все редкие кушанья с гор и из морей, приятное на вкус вино было обильным, как в источнике; все веселились, играли, танцевали и пели. А между тем, не было у них другой задачи, кроме той, чтобы наметить, как можно умертвить Восточного варвара⁴.

Подумав, что если их компания будет всегда собираться без особенного предлога, то со стороны это вызовет, пожалуй, подозрения, участники ее решили предлогом избрать беседы о литературе, и для этого пригласили книжника по имени Гэньэ-хоин⁵, который слыл в те времена человеком несравненного таланта и учености, попросив его провести с ними беседы о "Литературном сборнике Чан-ли"⁶.

В том сборнике есть длинное стихотворение под названием "Чан-ли направляется в Чаочжоу". Когда дошли до этого стихотворения, слушатели прекратили беседы о "Литературном сборнике Чан-ли", сказав:

- Это все нехорошие книги. Вот "У-цзы", "Сунь-цзы", "Шесть секретов", "Три тактики"⁷ - это как раз те сочинения, которые нам нужны.

Тот, кого звали Хань Чан-ли, стал известен на закате эпохи Тан⁸, и был человеком блестящего литературного таланта. Стихи его равняют плечи с творениями Ду Цзы-мэй⁹ и Ли Тай-бо¹⁰, а проза превосходит все, что было написано в эпохи Хань, Вэй, Цин и Сун¹¹. У Чан-ли был племянник по имени Хянь Сян. Он ни письма не любил, ни со стихами не соприкасался, а изучая лишь искусство даосов¹², занятием своим сделал незанятость, а делом - недеяние.

Однажды Чан-ли, обращаясь к Хань Сяну, сказал:

- Живя между землей и небом, ты блуждаешь в стороне от человеколюбия. Это - постыдное для благородного мужа, но ставшее главным для подлого человека занятие. Вот отчего я всегда так глубоко печалюсь из-за тебя.

И когда он прочел это свое нравоучение, Хань Сян крайне насмешливо ответил ему:

- Человеколюбие вышло оттуда, где был отвергнут Великий путь¹³; ученость достигла расцвета тогда, когда появилось Великое недеяние. Я наслаждаюсь в границах недеяния, просветляюсь по ту сторону добра и зла. А коли так, - я оттаскиваю Истинного главу за локоть, прячу в горшке небо и землю, похищаю мастерство сотворения, вздымаю горы и реки внутри мандарина¹⁴. И наоборот, печалюсь я только о вас - тех, кто довольствуется объедками от стола древних мудрецов, о том, что впустую тратите вы свою жизнь по мелочам.

Тогда вновь заговорил Чан-ли:

- Я не верю твоим словам. Выходит, теперь ты можешь похитить мастерство сотворения?! - спросил он.

Ничего не отвечая, Хань Сян ударом опрокинул стоявший перед ним изумрудный поднос, тут же сгреб осколки в кучу, и вдруг обнаружилась прелестная яшмовая ветка с цветами пиона. Пораженный Чан-ли взглянул на нее и увидел стихотворную строфу, золотом начертанную между цветами:

"Облака лежат на горном пике Цинь.
Где мой дом?
Снег в объятых держит Ланьгуань, -
Не пройти коню".

В изумлении читал это Чан-ли, преисполненный грусти, перечитывал снова и снова, но изящество и глубина той фразы была лишь в ее построении, и трудно было понять ее цель и заключение. А когда он взял ветку в руки и пожелал рассмотреть ее, она вдруг исчезла.

"Повесть о великом мире"

Именно с тех пор и стало известно людям в Поднебесной, что Хань Сян постиг искусство магов-отшельников.

Некоторое время спустя Чан-ли был вынужден отправиться в Чаочжоу, обвиненный в том, что порвав с Законом Будды, он подал государю петицию, призывавшую почитать учение Конфуция. Смеркалось, лошадь упрямылась, а дорога впереди была еще далека. Когда изгнанник обернулся, чтобы посмотреть в сторону далекой родины своей, на горном пике Цинь лежали облака, и поэту не угадать было мест, откуда он прибыл. Опечаленный, захотел он взобраться на обрыв высотой в десять тысяч цзинов¹⁵, но Ланьгуань завалило снегом, так что не было даже дороги, чтобы пройти вперед. И когда, потеряв надежду сделать хотя бы шаг вперед или назад, он повернул голову, рядом внезапно оказался неизвестно откуда взявшийся Хань Сян.

Обрадовавшись, Чан-ли сошел с коня и, взяв Хань Сяна за рукав, промолвил сквозь слезы:

- Той, начертанной среди яшмовых цветов фразой, что показал ты мне в прошлом году, ты заранее поведал мне о горестях ссылки. Теперь ты опять пришел сюда. Но предначертанное мне я уже знаю: в конце концов, отторженный от людей, я умру от горя, назад мне не вернуться. Другой встречи у нас не будет, теперь настает наша вечная разлука. О, какие страдания терплю я!

С теми словами, в продолжение прежней строфы он сложил стихотворение из восьми строк и отдал его Хань Сяну:

Поутру к Небесам Девятистворным¹⁶

с петицией я обратился,

А к вечеру был сослан в Чаоянь, за восемь тысяч ли.

Деянья мудрого и светлого владыки желая зла лишить,

Увы, в упадке и гниении оставшиеся годы обречен скорбеть!

Облака лежат на горном пике Цинь, но где мой дом?

Снег держит Ланьгуань в объятьях, и не пройти коню.

Я знаю, ты пришел издалека, и должен сердце ты иметь,

На душно-смрадных берегах реки

мои собрать ты хочешь кости.

Хань Сян положил бумагу со стихами себе в рукав, и разминулись они с Чан-ли, стеною; один пошел на восток, другой - на запад.

Ах, как верно это сказано: "При дураках сны не рассказывай". Глупы же были люди, слушавшие те беседы, когда они претили им!

7. О НАРУШЕНИИ ЕРИКАДЗУ ВЕРНОСТИ

Один из группы заговорщиков, Приближенный излевой гвардии, чиновник Распорядительного ведомства Токи Ерикадзу был женат на дочери управляющего Рокухара, офицералевой гвардии охраны дворцовых ворот Сайто Таро Тосиюки. Он очень ее любил и все задумывался о том, что ежели в мире произойдут раздоры и ему придется участвовать в сражениях, то вряд ли отыщется один шанс из тысячи, чтобы он не погиб.

Мысль о разлуке заранее повергала его в уныние, и однажды ночью, проснувшись, он поведал жене:

- И то, что останавливаемся мы на ночлег под сенью одного дерева, и то, что черпаем из одного потока¹, - все это глубоко связано со множеством прежних наших жизней, тем более, что уже больше трех лет мы неразлучны друг с другом. Сколь сильны неусыпные мои о тебе помыслы, отражается на моем лице, и ты, видимо, замечаешь это время от времени. Так вот, - среди людей распространено непостоянство. Но раз при встрече с тобой мы согласились на это, - если теперь ты услышишь, что плоть моя перестала существовать, то и после того, как не станет меня, сохрани, пожалуйста, свое сердце верной жены и вымаливай для меня счастье в будущем мире. Ежели мы когда-то возвратимся в мир людей, то снова продолжим наш уговор стать супругами; если же родимся в Чистой земле², то непременно станем ждать того, чтобы поделить пополам место на чашечке одного лотоса...

Так, не называя причины, твердил он ей и обливался слезами.

Пораженная этими словами, жена выслушала его и, горько рыдая, спросила:

- Отчего они, эти странные твои речи?! В этом мире, где не ведаешь даже, о чем можно уговариваться на завтра, ты взываешь к моим чувствам, чтобы я не забыла наш уговор до грядущего мира! Это что-то не то, и я не верю, что дело так просто.

Вконец потеряв присутствие духа, муж признался ей:

- Оттого это, что я получил приказ императора. А когда тебя просит государь, то нет способа отказать ему; когда же примкнешь к мятежу августейшего, трудно рассчитывать на один шанс из тысячи на то, чтобы сохранить свою жизнь. Горечь приближающейся разлуки так сильна, что становится жалко, и я решил поведать тебе обо всем заранее. Но страшись, чтобы ни один человек не узнал об этом!

И он наказал ей крепче сжать губы.

Но, поскольку у его жены душа была труслива, то встав поутру, женщина глубоко об этом деле задумалась и решила, что если государев августейший мятеж не удастся, то и мужей, к нему примкнувших, безвременно убьют; если же, напротив, погубят воинские дома, то надобно, чтобы остался в живых хотя бы кто-то один из ее родственников. А если дело обстоит так, то, рассказав обо всем отцу своему Тосиюки, она сделает Приближенного излевой гвардии нарушителем верности³. "Как бы это и делу помочь, и родственникам посодействовать", - подумала она и, спешно побежав к отцу, по секрету рассказала ему о том деле все, как оно было.

Сайто очень испугался и немедленно вызвал к себе Приближенного излевой гвардии.

- Я услышал нечто поразительное. Правда ли все это?! Тот, кто в нашем мире замышляет такое, должен быть не кем иным, как человеком, который, обхватив камень, ныряет в омут. Если потечет из чужого рта⁴, то казнить могут всех, включая и нас с тобой, поэтому Тосиюки хочет срочно рассказать главе Рокухара все, что ты поведал ему, и вместе с тобой избежать этого наказания. Что ты об этом думаешь? - спросил он Ерикадзу.

Но отчего же должен был поразить этот вопрос того, чье сердце позволило женщине узнать о таком великом деле?! Он сказал так:

- Я стал соумышленником в этом деле по подстрекательству моего однофамильца Ерисада и Тадзими Сиродзиро. Так или иначе, вы только предложите, как облегчить здесь мою вину!

Еще не рассвело, когда Сайто спешно отправился в Рокухара и досконально изложил все подробности дела. И тут же, не теряя времени впустую, в Камакура послали верхового гонца; воинов, что находились в столице и за пределами города, скликали в Рокухара и всех прибывших сразу же отмечали.

В это время в провинции Сэтцу, в местности под названием Кудзуха⁵, тамошние низшие дружинники ослушались наместника и начали сражение. К управляющему теми местами, чтобы по распоряжению Рокухара навести порядок в конторе поместья, срочно вызвали сторожей-сигнальчиков от сорока восьми костров⁶, а также бывших в столице воинов, и о причине вызова было объявлено. Это задумали для того, чтобы участники мятежа не разбежались. Ни Токи, ни Тадзими и мысли не допускали о грозящей им опасности, а находились каждый у себя дома, готовясь утром выступить в Кудзуха.

И вот, как стало рассветать, в 19-й день 9-ой луны 1-го года Гэнтоку⁷, в час Зайца⁸, тучи и мгла войск поскакали в сторону Кудзуха. Помощниклевой гвардии охраны дворцовых ворот Когуси Сабуро Нориюки и Ямамото Куро Токицуна, которым вручены были знамена с гербом Ходзё, получили звание полководцев ударных сил; они вышли к реке возле Шестой линии - Рокудзё⁹, разделили три тысячи своих всадников на две части и приблизились к резиденции Тадзими в Такакура на дороге Нисики-но-кодзи и к резиденции Токи Дзюро на углу улицы Хорикава и Третьей линии - Сандзё.

Токицуна, позаботившись, чтобы такой важный противник не сбежал каким-нибудь способом, нарочно оставил главные свои силы у реки на Третьей линии, а сам один скрытно поехал к

резиденции Токи в сопровождении только двух пеших воинов с алебардами. Перед воротами он сошел с коня, внезапно вошел внутрь через малые ворота и, глянув в сторону средних ворот, увидел людей, которых принял за ночную стражу. Это, бросив себе в изголовья доспехи, большие и малые мечи, с громким храпом спали воины.

Обойдя заднюю стену конюшни, он посмотрел, нет ли где скрытых проходов, - позади был сплошной земляной вал и дороги нигде, кроме как через ворота, не было. Успокоившись на том, он с шумом отворил дверь в малую гостиную.

Токи Дзюро, кажется, только что встал: он зачесывал вверх волосы на висках и связывал их на макушке, но внезапно увидев Ямамото Куро, вскричал: "Узнали!!!" - и, схватив стоявший на подставке большой меч, ударом ноги пробил бывшую рядом с ним перегородку, выпрыгнул в большую гостиную, и, чтобы не вонзить свой меч в потолок, нанес противнику боковой, "чистящий" удар.

Токицуна нарочно намеревался выманить противника на широкий двор и, как только тот допустит оплошность, - пленить его живым. От "чистящих" ударов он отступал, от "бросков в воду" - косых ударов сверху - отскакивал, и никто в тот поединок не вмешивался. Когда же с возвышения глянул Токицуна назад, то стоявшая в засаде великая сила в две с лишним тысячи всадников ворвалась в ограду через вторые ворота и огласила воздух дружным кличем.

Долго сражался Токи Дзюро и стал уже очень опасаться, как бы не взяли его живым. Тогда он бегом вернулся в свою спальню, располосовал себе живот крест-накрест и рухнул головою на север. Молодые его приверженцы, спавшие во внутренних помещениях, каждый по-своему приняли смерть в бою и не было среди них ни одного, кто бы обратился в бегство. Воины Ямамото Куро взяли их головы, насадили на острия своих мечей и поскакали оттуда в Рокухара.

К резиденции Тадзими двинулось три с лишним тысячи всадников¹⁰ во главе с помощником главылевой гвардии охраны дворцовых ворот Когуси Сабуро Нориюки. Тадзими всю ночь

напролет пил сакэ и теперь лежал пьяный, не ведая, где начало и где конец, как вдруг его разбудил дружный крик.

- Что это значит?! - встревожился он.

Сотрапезником его, лежавшим теперь с ним рядом, была привычная ко всему женщина. Она схватила кольчугу, что служила им изголовьем, заставила Тадзими надеть ее, крепко перепоясала его наружным поясом, а потом подняла людей, спавших здесь же. Огасавара Магороку, разбуженный этой гулящей женщиной, взяв один лишь большой меч, выбежал через средние ворота и когда протер глаза и окинул взглядом все четыре стороны, то увидел над земляным валом знамя, а на нем - герб Ходзё, колесо телеги. Войдя в дом, Магороку крикнул:

- От Рокухара сюда направлен ударный отряд. Я думаю, что нынешний государев мятеж уже раскрыт. Быстрее хватайте мечи и рубитесь, покуда выдержат рукояти мечей, а потом - полосуйте себе животы!

Тут он набросил на свои плечи панцирь и, держа в руках колчан на двадцать четыре гнезда и лук, обвитый глициниями, взбежал на сторожевую башню над воротами, вложил в тетиву стрелу, не поместившуюся в колчан, и настезь раздвинул у бойницы ставни.

- О, как много здесь силы! Понимают ведь, как мы искусны в бою! Ну, так как же зовут того, кто назначен в этом отряде предводителем? Взгляните, как он получит от меня стрелу, когда приблизится!

С теми словами Магороку до отказа натянул тетиву и пустил стрелу длиною в двенадцать ладоней и три пальца. Блеснув наконечником, стрела пронзила от лобной части до самого назатыльника шлем молодого дружинника Кано-но Симодзукэ-но-дзэндзи, Кину-дзукури-но Сукэфуса, проезжавшего прямо перед башней, и он кубарем полетел с коня. Положив такое начало, Магороку выпустил целый поток стрел, куда только ему хотелось - в рукава кольчуг, в набедренники, не говоря уже о касках шлемов, и двадцать четыре воина, стоявшие у него на виду, упали, сраженные стрелами. И тогда, вынув из колчана последнюю оставшуюся там

стрелу, Магороку швырнул вдруг колчан к подножью сторожевой башни и со словами: "А эту стрелу я должен оставить, чтобы охранять себе путь по преисподней!" - заткнул ее за пояс и вскричал громким голосом:

- Смотрите сюда и расскажите людям, как японский храбрец, к мятежу примкнувший, кончает с собой!

После этого он вложил себе в рот острие меча, бросился вниз головой с башни и погиб, пронзенный насквозь. Тем временем, под началом Тадзими во двор выскочили двадцать с лишним крепко закованных в латы молодых его соратников и встали у деревянного засова ворот, поджидая противников.

Хотя и говорилось, что наступающие были подобны тучам и мгле, однако, когда с безумной мыслью умереть люди, решившие погибнуть в схватке, прочно затворились, тогда и таких, кто захотел бы врезаться в их гущу, не отыскалось. И тут-то четыре человека - Ито Хиродзиро-отец, сын его, младший и старший его братья пробрались через небольшое отверстие, проломанное в створке ворот, внутрь двора. Но, хоть и воинственны были их помыслы, - когда они пробрались в стан поджидавших их противников, то до рукопашной даже и не дошло: все они были расстреляны поблизости от ворот. Когда нападающие увидели это, среди них не нашлось никого, кто бы хоть чуть-чуть приблизился к воротам. Тогда защитники изнутри распахнули створки ворот и встали, громкими голосами стыдя их:

- Вы, о которых мы слышали, будто это ударный отряд! Какими же грязными трусами вы себя показали! Ну, живо, входите сюда! Мы принесем вам в подарок наши головы!

Нападающие было нещадно осмеяны противниками. Тогда головной их отряд из пятисот с лишним всадников сошел с коней и в пешем строю с воплями ворвался во двор.

Воины, которые заперлись там, твердо решили, что не побегут ни в коем случае, поэтому ни одна их нога никуда не должна отступить. Двадцать с лишним человек ринулось в гущу великой той силы, не оглядываясь по сторонам, врезалось в нее и закружилось в ней. Пятисот с лишним нападающих из передового

отряда всюду, где бы они ни стояли, попали под удары их мечей и бурей отхлынули из ворот наружу. Однако, поскольку нападающих была великая сила, то когда отхлынул передовой отряд, во двор с воплем ворвался второй отряд. Едва он ворвался, - его прогнали, едва прогнали, - ворвался снова, и так сражались противники до того, что от мечей отскакивал огонь, начиная с часа дракона и кончая часом лошади¹⁰.

И настолько силен был отряд воинов у главных ворот, что Сасаки-хоган обошелся с подчиненными ему тысячью с лишним человек замок с тыла и ворвался в него со стороны дороги Нисикино-кодзи, разломав дома простолюдинов. "Теперь уже все", - подумал Тадзими. Но тут двадцать два человека, стоявшие в ряд у средних ворот, пронзили друг друга мечами и пали, будто брошенные гадательные палочки. А как раз в это время атакующий отряд карателей взломал ворота, врезался в строй воинов, что бились возле задних ворот, и, забрав с собою головы защитников замка, поскакал в Рокухара. Всего четыре часа длилось сражение, а когда посчитали раненых и мертвых, оказалось их двести семьдесят три человека.

8. О ТОМ, КАК СУКЭТОМО И ТОСИМОТО ОТПРАВИЛИСЬ В КАНТО И ОБ АВГУСТЕЙШЕМ ПОСЛАНИИ

После того, как Токи и Тадзими были разбиты, постепенно стал выявляться замысел августейшего мятежа государева и поэтому в столицу прибыли два человека - чиновники с Востока¹, офицерылевой гвардии охраны дворцовых ворот Нагасаки Сиро Ясумицу и Нандзё Дзиро Мунэнао. В 10-й день 5-й луны они вызвали к себе Сукэтомо и Тосимото.

"Когда был разбит Токи, - подумали они, - живым не захватили ни одного пленника, и не от кого было получить признание, значит, вряд ли обнаружилось наше участие в деле".

Пренебрегши робкими просьбами домашних, они не готовились к тому заранее, поэтому их жены и дети теперь разбежались на восток и на запад, и не было у них места, где можно было бы укрыться. Сокровища их были рассыпаны по большим дорогам и стали пылью под копытами коней.

Вельможный тот Сукэтомо принадлежал к роду Хино, по должности он был главою Ведомства дознаний, а чином дослужился до советника, потому что государь августейшей своей милостью выделял его среди других людей и род его достиг процветания. Придворный Тосимото вышел из семьи тонких знатоков конфуцианского учения и достиг вершин желанных великих деяний, так что и те, кто равен был ему чином, стремились к пыли от тучных его коней, да и высшие подхватывали остатки остывшего вина из его бокала.

Как верно это сказано: "Вероломством достигший богатства и почестей сам подобен плывущему облаку"! Ведь это - прекрасные слова Конфуция, они записаны в "Беседах и суждениях"², - так может ли быть иначе?! Когда кончается радость, увиденная во сне, - тут же приходит горе. И никто из видевших его или о нем слышавших не ведал о том законе, что достигший расцвета не избегнет падения, - и рукав, увлажненный слезами, не мог отжать досуха.

В ту же луну, в день 27-й, двое чиновников с Востока, сопровождая Сукэтомо и Тосимото, прибыли в Камакура. Поскольку люди эти были видными руководителями мятежа, они думали, что сразу же будут казнены, но поскольку оба они являлись приближенными императорского двора и выделялись талантами и ученостью, правители, страшась мирской хулы и августейшего государева гнева, не довели дела даже до того, чтобы распорядиться о пытках, а лишь заключили их в караульное помещение, уподобив обыкновенным заключенным.

7-й день 7-й луны³. В эту ночь две звезды, Волопас и Ткачиха, пересекают сорочий мост. Это - ночь, когда проясняется то, что человек лелеял на сердце весь год, поэтому, по обычаям

придворных, этой ночью вывешивают на бамбуковых шестах "нитки желаний", перед двориками рядами раскладывают добрые плоды и так проводят Ночь молений о мастерстве. Но, несмотря на этот обычай, на этот раз не было ни поэтов, слагающих китайские стихи и японские песни, ни музыкантов, играющих на бива⁴ и флейтах, потому что настала в мире пора беспорядков.

Время от времени луноподобные вельможи и гости облаков⁵, стоявшие в ночной страже дворца, хмурили брови и склоняли лица, оттого что наступило время, когда душа угасала и печень стыла при мысли о том, кого еще затронут беспричинные те смуты, что царят в мире.

Когда спустилась глубокая ночь, государь позвал: "Кто здесь?!" - и стражник, откликнувшись: "Это я, советник Есида-но Фуюфуса", - предстал перед августейшим. Высочайший властитель повелел ему приблизиться и молвил так:

- После того, как арестовали Сукэтомо и Тосимото, Восточный ветер⁶ еще не успокоился, и находиться в столице очень опасно. В беспокойство приходит опять наше сердце при мысли о том, какие еще распоряжения отдадут они сверх прежних. И отчего это нет такого плана, чтобы сразу утопить восточных варваров? - спросил августейший, и Фуюфуса благоговейно отвечивал:

- Я не слышал, чтобы Сукэтомо и Тосимото признались, и потому считаю, что военные правители не отдадут более никакого распоряжения. Однако же неуместной была бы и небрежность августейшего, потому что в последнее время поступки восточных варваров изобилуют примерами безрассудства. Ах, если бы теперь же, послав лист бумаги с августейшими уверениями, унять гнев монаха в миру - владельца Сагами!

Высочайший властитель подумал, видимо, что это действительно так. Он изволил промолвить:

- В таком случае, Фуюфуса, скорее пиши!

И тогда советник сочинил в высочайшем присутствии черновик письма и представил его взору императора. Государь смотрел на него некоторое время, и на то послание часто закапали

августейшие его слезы. Он вытер их рукавом, и тогда уже среди верных его подданных, что находились в высочайшем присутствии, не осталось ни одного, кто не залился бы слезами горести.

Потом, избрав государевым посланцем старшего советника, вельможного Мадэнокодзи Нобуфуса, отправили это августейшее послание в Канто.

Когда, получив императорское послание через посредство Аита-но Дзёносукэ, монах в миру - владетель Сагами приготовился уже развернуть и прочесть его, монах в миру Никайдо-но Доун из провинции Дэва, настоятельно предостерегая владетеля, почтительно промолвил:

- Не было еще ни в других странах, ни в нашем отечестве такого случая, чтобы Сын Неба направлял свое послание прямо военному правителю. И надобно остерегаться посторонних глаз, ежели станете читать его с небрежением! Не следует ли вам, не раскрывая шкатулку с бумагою, просто распорядиться вернуть ее императорскому посланнику?

Он повторял это снова и снова, и тогда монах в миру - владетель Сагами заметил ему:

- Ну, что здесь может быть страшного? - и велел офицеру Левой гвардии охраны дворцовых ворот Сайто Таро Тосиюки прочесть послание.

И вот, когда Тосиюки читал то место, где было сказано: "Мудрейшее сердце государя не ведает лжи, чему порукою - светлый взор небес", - голова у него вдруг закружилась, кровь хлынула из носу, и он вышел, не кончив читать. С этого дня в нижней части горла стал у него вырастать нехороший нарыв, семь дней он плевал кровью и, наконец, умер. Не было ни одного человека, который бы, услышав об этом, не трепетал от страха, думая: "Хоть и говорят, что время наше достигло низости падения, а поведение людей пало в грязь и пламя, но когда отличны обычаи государя и подданных, высокородных и подлых, видимо, приходит кара будд и богов".

- Если тайный заговор Сукэтомо и Тосимото каким-нибудь образом происходит от высочайшей воли, то хоть и велел государь доставить сюда свое послание, оно не могло бы сотворить такую

кару. А высочайшего властителя надо переселить в дальние провинции, - обсудив это событие, решили поначалу войны. Однако, кроме того, что истинной казалась им цель, о которой доложил императорский посланник, вельможный Нобуфуса, также и то, что читавший государево послание Тосиюки неожиданно умер, истекая кровью, всем свернуло языки и закрыло рты. Да и монах в миру - владетель Сагами проникся, как будто, робостью перед волею неба и вернул назад то послание, на словах передав императору свой ответ:

- Дела августейшего управления миром поручены двору, и нельзя сказать, чтобы войны вмешивались в них.

Когда вельможный Нобуфуса, с этим возвратившись в столицу, почтительно доложил эти резоны, государево сердце впервые обрадовалось, а лица всех приближенных его приняли надлежащий цвет.

Немного погодя, с придворного Тосимото сняли подозрение в его виновности и он был прощен, а заслуживающая смерти вина вельможного Сукэтомо была снижена на одну ступень, и он принужден был отплыть в провинцию Садо.

КОММЕНТАРИЙ

Книга первая

Вступление

1. Боги земли и злаков - в переносном значении - государство.

2. Цзе - последний государь китайской династии Ся, бежал в 930 г. до н.э. в Наньчао, где и умер. Чжоу - государь династии Шан-Инь (2-е тысячелетие до н.э.), один из мифических тиранов древности, погиб от рук Чжоуского императора У-вана.

3. Чжао-гао - подданный Циньских государей, умертвивший двух императоров. В 210 г. до н.э. был убит (разорван телегами) по приказу внука первого из них. Лу-шань (Ань Лу-шань) - варвар по рождению, занимал несколько важных постов при Танском дворе, потом поднял мятеж, объявил себя императором, однако в 757 г. был убит.

"Повесть о великом мире"

Глава 1

1. Годайго (1319-1338) - не 95-й, а 96-й император Японии, организатор борьбы за возрождение императорской власти, независимой от засилия феодального дома Ходзё.

2. Дзимму-тэнно - мифический основатель императорской династии Японии, прямой потомок богини Солнца Аматаэрасу Омиками. На престол, согласно преданиям, вступил в 660 г. до н.э.

3. Тайра (Ходзё) - но Такатоки (1303-1333) - 9-й и последний сиккэн (канцлер, фактический глава государства) из рода Ходзё.

4. Сагами - название провинции. Владетель Сагами - один из титулов киккэнов Ходзё.

5. Четыре моря - образное обозначение Японии.

6. Годы Гэнряку (Гэнрэки) - 1184 г.

7. Еритомо - Минамото Еритомо (1147-1199), 1-й сёгун (военно-феодальный правитель Японии) династии Минамото.

8. Госиракава - 77-й император Японии (1156-1158). После отречения от престола продолжал держать в своих руках дела управления страной в течение правления трех императоров. Ум. в 1192 г.

9. Шестьдесят шесть провинций - в переносном смысле - Япония.

10. Охранители (сюго) - официальная должность, учрежденная для провинций сёгунским правительством.

11. Ериэ (1182-1204) и Санэтомо (1192-1219) - сыновья Минамото Еритомо и его преемники на посту сёгуна. Фактическая власть при них принадлежала их матери Масако, происходившей из рода Ходзё.

12. Кугё (1201-1219) - 2-й сын Ериэ. Младенцем был пострижен в буддийские монахи в один из камакурских храмов, здесь он заколол кинжалом своего дядю Санэтомо, когда тот посетил его храм для отправления благодарственной молитвы по случаю получения чина Правого министра.

13. Еситоки - Ходзё Еситоки (1163-1224), 2-й камакурский сиккэн, брат Масако, разделявший с нею неограниченную власть в стране.

14. Тайра (Ходзё)-но Токимаса (1138-1224), 2-й камакурский сиккэн, брат Масако, разделявший с нею неограниченную власть в стране.

15. Готоба - 82-й император Японии (1184-1198), внук Госиракава. Заступил на трон в возрасте 4-х лет.

16. Смута годов Сёкю - гражданская война 1221 г. (Сёкю-но ран), когда по призыву двух экс-императоров против засилья Ходзё выступили войска из провинций, объединившие несколько тысяч человек. Армия Ходзё разгромила их, и могущество сиккэнов продолжалось еще сто с лишним лет.

17. Удзи и Сэта - город и селение неподалеку от г. Киото, возле которых произошло решительное сражение армии Ходзё с мятежниками в 1221 г.

18. В провинции Оки (местность Амагори) сосланный экс- император прожил 18 лет.

19. Восемь сторон - иносказательно: Япония.

20. Ясутоки - Ходзё Ясутоки (1183-1242), 3-й камакурский сиккэн, сын Еситоки.

21. Токиудзи - сын Ходзё Ясутоки, 1203-1230. Вместе с отцом участвовал в подавлении смуты годов Сёкю.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

22. Цунэтоки - Ходзё Цунэтоки (1224-1246), 4-й камакурский сиккэн, сын Токиудзи.

23. Токиёри - Ходзё Токиёри (1226-1263), 5-й камакурский сиккэн, 2-й сын Токиудзи.

24. Токимунэ - Ходзё Токимунэ. (1251-1284), 6-й камакурский сиккэн, унаследовавший этот пост от своего отца, Токиёри, в шестилетнем возрасте.

25. Садатоки - Ходзё Садатоки (1270-1311), 7-й камакурский сиккэн, сын Токимунэ.

26. Чинами они не поднимались выше четвертого ранга - имеются в виду придворные ранги, не отражающие фактической власти их обладателя.

27. Камакура - сёгунская столица Японии в XIII в.

28. Одна фамилия - род Ходзё.

29. Два Рокухара - высшие сёгунские чиновники из рода Ходзё, с 1221 г. назначавшиеся наместниками в северную и южную части Киото.

30. 1-й год эры эйнин - 1291 г.

31. Тиндзэй - о.Кюсю.

32. Восточные варвары - самураи.

33. Тайра-но Такатоки-сюдо Сокан - см. прим.3.

34. По преданию, И-гун, правитель княжества Вэй (VII в. до н.э.) очень любил журавлей и даже заставлял катать их в экипажах для знатных сановников. В 695 г. до н.э., когда на княжество напали северные варвары, воины отказались сражаться с ними, заявив: "Заставь воевать своих журавлей". И-гун потерпел поражение и был убит.

35. Министр государства Цинь Ли Сы (III в. до н.э.) из-за клеветнического доноса был приговорен к смерти. Перед казнью он сказал своему сыну, что с удовольствием поохотился бы с собаками на зайцев, но сделать это уже невозможно.

36. Гоуда (1267-1324) был императором Японии в 1275-1287 гг.

37. Даттэн-монъин - монашеское имя супруги Гоуда, Фудзивара Тадако.

38. Имеется в виду Ходзё-но Такатоки.

39. По конфуцианской морали узы, связывающие человека, - это отношения господина и вассала, отца и сына, мужа и жены, а добродетели, которым должен обладать человек, - это милосердие, справедливость, соблюдение церемоний (почтительность), мудрость и честность.

40. Чжоу-гун - младший брат 1-го императора династии Чжоу У-вана (1121-1115 гг. до н.э.), идеальный муж древности, известный заслугами перед династией и готовностью к самопожертвованию для процветания страны.

41. Дела управления тьмой дел и сотней служб - долг императора по управлению государством.

42. Энги и Тэнряку (901-922) и 947-956 гг. соответственно) - годы правления, японский "золотой век прошлого".

43. Храмы и молельни - буддийские храмы и синтоистские святилища. Дзэн и Рицу - учения буддийских сект Дзэнсю и Риссю, самоуглубление и монашеская дисциплина.

44. Ясное учение - учение буддийской школы Тэндай, тайное - учение школы Сингон.

"Повесть о великом мире"

Глава 2

1. Четыре заставы - по сторонам света, заставы Киото. Семь дорог расходились от семи ворот столицы.

2 Оцу и Кудзуха - город на берегу реки Едогава, 1-й - в провинции Оми, 2-й - в провинции Сэццу.

3. 1-й год Гэнко - 13231 г.

4. Столичные провинции - 5 провинций вокруг Киото, "по 500 ри на четыре стороны от замка", облагавшиеся повинностями в пользу двора.

5. Ри - мера длины, 3,93 км.

6. То - мера емкости, 18 л

7. Нидзё - название улицы и квартала в Киото.

8. Юй и Жуй - древние китайские царства, враждовавшие из-за территории.

9. В правление мифического китайского императора Яо (2357- 2258 гг. до н.э.), как утверждает традиция, за воротами дворца был выставлен барабан, в который мог ударить всякий, кто хотел высказать государю недовольство его поступками.

10. Традиция гласит, что Хуань-гун из династии Ци (479-501 гг. н.э.) управлял страной при помощи хитрости и военной силы, однако накормить подданных не мог.

11. По преданию, Гун-ван, государь княжества Чу (704-222 гг. до н.э.), однажды потерял свой лук. Один из его подданных собрался было искать пропажу, но Гун-ван запретил ему это. Конфуций, узнав об этом, высказал сожаление об этом.

Глава 3

1. 2-й год Бумпо - 1318 г.

2. Кико, дочь Фудзивара Санэканэ, Сайондзи - одна из ветвей дома Фудзивара.

3. Кокидэн - часть императорского дворца, отведенная императрицам, фрейлинам и их прислуге.

4. Сёкю - 1219-1222 гг.

5. Имеются в виду сиккэны Ходзё.

6. Прислуживать перед дверьми с золотыми петухами - быть фрейлиной императора.

7. Мао Цян, Си Ши, Цзян Шу и Цин Цинь - знаменитые китайский красавицы.

8. Бо Лэ-тянь - псевдоним знаменитого китайского поэта Бо Цзюй-и (772-846).

9. Кадоко, дочь придворного Фудзивара Киннака.

10. Августейшая из внутренних покоев - главная супруга императора.

11. Оборот чисто фигуральный, взят из жизни китайского императорского двора. В Японии реального содержания не имел.

12. В "Задних павильонах" размещалась женская прислуга.

13. "Гуань Цзюй" - название первой песни "Ши цзина" (китайской классической "Книги песен"), воспевающей, по преданию, супругу основателя династии Чжоу - Вэнь-вана (XII в. до н.э.).

Глава 4

1. Фигуральное выражение, обозначающее рождение детей.
2. Возраст стремления к наукам - 15 лет.
3. Утолять жажду из чистых струй реки Томиноо, ступать по древним следам на горе Асака - фигуральный оборот, обозначающий занятие поэзией.
4. Изучение трех тайн йогов - имеется в виду переход к состоянию будды путем достижения гармонии в самом себе.
5. Высокий первоначальник - основатель буддийской школы Тэндай, Дэнгедайси (767-822).
6. Дзитин-касё - буддийский священнослужитель, глава школы Тэндай, происходил из рода Фудзивара. Известный в свое время поэт и ученый-историк (1155-1225).
7. Дайкакудзи - храм буддийской школы Сингон в провинции Сага, к западу от Киото. В нем, после отречения от престола, жил император Камэяма (с 1276 г.) и Гоуда (с 1288 г.). Их потомки образовали "линию Дайкакудзи". Дзимёин - резиденция экс- императора Гофукакуса (с 1259) и его потомков (Фусими, Гофусими и др.), получивших наименование "линия Дзимин". Наличие этих двух линий в императорской династии сыграло большую роль в расколе Японии и в гражданской войне XIV в.
8. Церемония перемены детского платья на взрослое в ту эпоху совершалась, когда мальчику исполнялось 15-16 лет. На него надевали мужское платье, завязывали ему волосы пучком и т.д. В день этой церемонии мальчикам из знатных домов присваивали первый чин.
9. Дзётин - буддийский монах, правнук императора Дзюнтoku (1211-1221).
10. Цзицин - в Китае - один из центров школы Тяньтай (яп.Тэндай). Упомянут иносказательно: имеется в виду монастырь Энрякудзи, центр Тэндай. Яшмовый источник - ручей в Китае. На его берегах "мудрецы-наставники" Тяньтай в беседах постигали истину. Три истины - а) Законы суть ничто; б) Законы сущи и в) Законы не ничто и не сущи. Три эти истины, по буддийскому учению действительны лишь в их единстве и неделимости.
11. Три колодца - буддийский храм Санъидзи.
12. Майтрейя - будда грядущего мира, чье пришествие ожидается через 5 670 000 000 лет после вступления в нирвану будды Шакья Муни. Здесь имеется в виду воздаяние в очень отдаленном будущем.
13. Бамбуковый сад - в переносном смысле: потомки императора. Перечный дворик - супруга императора. Оба термина восходят к китайской литературной традиции.

Глава 5

1. 2-й год Гэнко - 1322 г., однако специалисты усматривают здесь ошибку, считая, что упомянутое поведение относится к 2-му году Каряку (1327 г.).
2. Хоссёдзи - буддийский храм в Киото. Энкан (1281-1356) - настоятель этого храма.
3. Оно - храм ветви Оно буддийской школы Сингон в Киото. Монкан жил в 1278-1357 гг.
4. Золотые врата - резиденция императора.

"Повесть о великом мире"

5. Обряды Глаза Будды, Золотого Колеса и пяти алтарей... - здесь перечислены буддийские обряды, призванные помочь благополучному зачатию.

6. Воины-монахи Южной столицы и Северного пика - монахи храма Кофукудзи в Нара и Энрякудзи на горе Хиэйдзан возле Киото.

7. Чин "Помост орхидей" соответствовал секретарю кабинета министров.

8. Екава - одна из трех частей монастыря Энрякудзи (другое название монастыря - "Горные ворота").

9. Рёгонъин - одна из пагод Екава. Иероглиф, который читается как "рё" включает в себя элемент, читаемый "Ман", однако этот элемент, вопреки мнению Тосимото, не является фонетиком.

10. Иероглиф с чтением "со" делится на две части - "дерево" и "глаз". Обе части в отдельности читаются "моку", однако ни одна из них не является фонетиком: написанные рядом они образуют знак с чтением "со".

Глава 6

1. Сэйва Гэндзи - ветвь рода Минамото (Гэндзи), восходящая к императору Сэйва (850-880). К этой ветви принадлежали первые сёгуны - Еритомо и другие.

2. Хогэн ("Око Закона") - буддийский духовный сан, следующий по восходящей за саном хоин ("Печать Закона").

3. Тайи - название пруда в саду при дворе китайского императора.

4. Восточный варвар - здесь: сиккэн Ходзё.

5. Гэньэ-хоин - буддийский священнослужитель высокого ранга, наставник императора Годайго. 1269-1350.

6. Чан-ли - псевдоним танского поэта Хань Юя (768-824).

7. "У-цзы" "Сунь-цзы" и др. - названия древнекитайских трактатов по воинскому искусству.

8. Закат эпохи Тан - IX в. н.э.

9. Ду Цзэ-мэй - второе имя знаменитого китайского поэта Ду Фу (712-770).

10. Ли Тай-бо (Ли Бо) - знаменитый китайский поэт (701-762).

11. Эпоха Хань началась в 206 г. до н.э., эпоха Сун закончилась в 479 г. н.э.

12. Искусство даосов - здесь: владение мастерством волшебных превращений, предвидения будущего и пр.

13. Великий путь - здесь: учение о недеянии (даосск.).

14. Приведены примеры владения искусством даосов-отшельников.

15. Цзин (кит. жэнь) - единица измерения высоты или глубины, около 2,5 м.

16. Небеса Девятистворные - императорский дворец, имевший девять ворот. Здесь - император.

Глава 7

1. Ночующие под одним деревом и черплющие воду из одного речного потока... Все связаны в предыдущей жизни - выражение, которое приписывается принцу Сётоку-тайси (522-621),

2. Чистая земля - Сукхавати, рай будды Амитабха.

3. Нарушить верность клятве заговорщикам в то же время означало продемонстрировать верность сиккэну.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

4. Если потечет из чужого рта - если кто-нибудь проговорится.
5. Кудзуха - см.гл.2, прим.2.
6. Сорок восемь костров - в столице было расположено 48 военных постов, на которых по ночам зажигали сторожевые костры.
7. 1-й год Гэнтоку (1329) указан ошибочно. На самом деле описываемые события происходили в 1-м году Сетю (1324).
8. Час Зайца - время от 6 до 8 часов утра.
9. Киото был разделен прямыми проспектами и линиями (дзё), образующими кварталы с соответствующим номером.
10. Три с лишним тысячи всадников - в некоторых списках "Тайхэйки" указано число 2000 всадников, в других - 1000 всадников (что, по-видимому, вероятнее).
11. Час Лошади - время от полудня до 2 часов пополудни.

Глава 8

1. Чиновники с Востока - чиновники военно-феодального правительства из Камакура, состоящие на службе у сиккэна Ходзё.
2. "Беседы и суждения" - "Лунь юй", собрания бесед Конфуция с его учениками, каноническая книга конфуцианцев.
3. 7-й день 7-й луны - праздник Волопаса и Ткачихи (Танабата), т.е. Альтаира и Веги. По старинному китайскому поверью в этот день звезды Волопас и Ткачиха, плывя по небесной реке (Млечный путь), по разные ее стороны, единственный раз в году могут встретиться между собой, так как Небесные сороки, собравшись вместе и распластав крылья, образуют мост, по которому Ткачиха переходит на другой берег реки к своему возлюбленному. Считался праздником всех влюбленных. В Японии широко отмечался до последнего времени.
4. Бива - музыкальный инструмент. Разновидность лютни.
5. Луноподобные вельможи и гости облаков - традиционное обозначение хэйанских аристократов.
6. Восточный ветер - враждебность сёгунских властей.

Пер. с японского и комментарий В.Н.Горегляда